

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

*Геннадий ЗЮГАНОВ
Председатель ЦК КПРФ
Руководитель фракции КПРФ
в ГД ФС РФ*

УРОК ГРАЖДАНСКОЙ ОТВАГИ

60-летний юбилей любимого журнала приходится, может быть, на самое трудное время его творческого стояния. Но именно сегодня “Наш современник” — первый в большом и многострадальном культурном пространстве — являет нам беспримерный урок гражданской отваги, преданности традиции Пушкина и Некрасова.

За плечами журнала — незабываемые годы расцвета ярких литературных талантов, плодотворного и полезного государственного сотрудничества.

Проза Юрия Бондарева и Василия Белова, Юрия Казакова и Валентина Распутина, Виктора Астафьева и Василия Шукшина, Владимира Личутина и Владимира Крупина не только соответствовала духу и художественной высоте русской классики, но всегда была на острие народных и социальных запросов.

Возвышенная поэзия Сергея Видулова, Ольги Фокиной, Юрия Кузнецова, Глеба Горбовского, Светланы Сырневой — подлинные вершины современной русской поэзии.

А высокохудожественная и остро гражданственная критика и публицистика Вадима Кожинова, Юрия Селезнёва, Владимира Бушина, Александра Казинцева, Захара Прилепина — правдивая и талантливая летопись новой русской истории.

С благодарностью хотел бы отметить и то гостеприимство журнала, с которым он предоставлял свои страницы для мужественных и честных российских политиков.

“Наш современник” по праву считался и считается поистине народным журналом, другом и наставником русских учителей, отдушиной для многочисленных читателей российской глубинки. И, наконец, самым “зачитанным” — в высшем смысле этого слова — литературно-художественным журналом российских библиотек.

Именно “Нашему современнику” удавался самый трудный из всех жанров — форма народного диалога. Здесь обсуждались важнейшие, судьбоносные события и решения, происходящие в XX и уже XXI веке в России — от злонамеренной программы поворота северных и сибирских рек до референдума о сохранении СССР.

Трудно переоценить заслуги нынешнего главного редактора журнала — выдающегося писателя современности Станислава Юрьевича Куняева. Его роль в развитии современной литературы на сломе двух эпох — это роль настоящего литературного маршала в период национально-духовных битв и побед.

Кому-то очень хотелось, чтобы “Наш современник” – этот литературный град Китеж – безвозвратно ушёл под воду, скрывая все богатства русской мысли и таланта. Ведь именно на его страницах нашла свои очертания коллективно выстраданная национальная идея.

“Наш современник” выстоял! Он по праву строго и величественно возвышается над русскими долами и весями, внушая солидарную надежду на лучшие времена.

Сколько себя помню, начиная с комсомольской работы до сегодняшнего дня, “Наш современник” – всегда на моём рабочем столе. Нашей человеческой дружбе и творческому сотрудничеству уже много лет. Будем же стоять вместе и впредь!

Многолетия лучшему журналу России!

.....

Сергей ГЛАЗЬЕВ
академик РАН

НЕ КРИВЯ ДУШОЙ

Уважаемый Станислав Юрьевич, редакционная коллегия, авторы замечательного “Нашего современника”!

Жить и здравствовать! Поражать и удивлять – смелыми публикациями и литературными открытиями! Держать руку на пульсе современности, оставаясь подлинно “Нашим современником”, из гущи событий извлекать только главное, системное, важное для укрепления и развития России!

Вам всегда удавалось тонко подмечать черты времени, реагировать на его вызовы – хлестко и обоснованно, не лукавя и не кривя душой. Потому что с самого первого дня своего основания авторский коллектив издания, редакционную коллегия отличало чувство небезразличности к состоянию общества, жизни и судьбе отдельного человека. Человека дела и профессии: землепашца, металлурга, инженера-проектировщика, мастера художественного слова.

Подобно скульптору, лелеющему каждую деталь своего изваяния, порой идя на риск и переосмысливая его предназначение, вы годами оттачивали фирменный стиль журнала, привносили что-то новое, давали волю фантазии и эксперименту, но неизменно с трепетом относились к его величеству “русскому слову”. За это Вам низкий поклон!

Станиславу Юрьевичу Куняеву удалось сохранить добрые традиции “Нашего современника”, преумножить их, насытив журнал злободневной прозой и публицистикой, которая отозвалась в душах и умах тысяч и миллионов читателей, позволила им расширить горизонты понимания нынешнего состояния дел в Отечестве. Кроме щедро даруемой журналом пищи для размышлений и анализа он был, есть и, уверен, останется неиссякаемым источником вдохновения, света, чистоты и художественно-эстетического воспитания подрастающего поколения.

Удач, здоровья, любви и терпения Вам, дорогие друзья и соратники!

.....

Валерий ГАНИЧЕВ
Председатель Союза писателей России

ТВОРЧЕСКАЯ МУДРОСТЬ

Наша Родина велика и необозрима. Да, это её просторы (поля, луга, леса, реки, горы). Это её Вера, дух и культура. И это её народ, люди, живущие в мегаполисах и небольших деревушках. И это устремление в глубины земли и мысли, в небесную и духовную высь.

Наших оппонентов, а вообще-то – врагов, всегда пугали её величина, безмерность и самосознание народа, как писал Ф. И. Тютчев. Со всех сторон света они пытались отщипнуть, отхватить кусочки России. Иногда получалось, но, как великий Прометей, она каждый раз оставалась, а то и прирас-

тала. Но постепенно противники осознали, что главное — самосознание народа, его Вера в Родину. Для того чтобы их подорвать, надо было действовать изнутри страны. Это стало для них главной целью.

Для Отечества очень важно было иметь свой голос, свою речь, свою литературу, свою мысль, ибо именно слово извлекало и представляло людям знакомые, главные, важные, вековечные черты нашей Родины.

И в этом смысле дух и облик, слово и мысль журнала “Наш современник” неоценимы. Его слово проявляет, обозначает смысл происходящего, смысл последних десятилетий. Я не говорю о его литературной сути — истинно народная проза, высокая поэзия, блистательная публицистика и критика. Я хочу сказать о великой роли в общественной и гражданской жизни, которую играет журнал.

Откуда-то из глубин веков, от мудрых предков и трепетных душ наших людей он извлекает живительную струю, ту живую воду, что излечивает и поднимает наших людей, как в своё время сказочных богатырей. Да, “Наш современник” по праву может быть назван журналом нашей Родины.

В те годы, когда десятки и сотни лжепророков и предсказателей, а также деятели власти опускали народ в глубины невежества и неверия, журнал “Наш современник” будил духовную культуру и просвещённое мужество в людях. Он не давал поверить нашим людям в то, что русский народ — удобряние для других культур. Он будил жизненную духовно-творческую энергию, которая должна быть просветлённой.

Выступая в больших и малых аудиториях, я всегда говорю: “У нашей литературы есть стратегический журнал “Наш современник”. Вот он — ваш журнал”.

.....

Александр ПРОХАНОВ

ЖУРНАЛ РУССКОГО НАРОДА

Журнал “Наш современник” отмечает свой замечательный юбилей. Это литературный журнал русского народа. Но это и мой журнал — мой личный журнал. Потому что все самые значительные мои труды, романы, написанные мною на протяжении последних 35 лет, я публиковал в “Нашем современнике”. Через этот журнал я не просто общался с читателями, предлагая им свои романы о моих военных походах в Чечню, в Сирию или на Ближний Восток. Или же романы, где я описывал последние годы моего советского государства, Чернобыльскую аварию. Или нынешние романы, где я исследую мучительное возвращение нового государства российского. Нет, не только общался я с моими драгоценными читателями, но и со всей русской литературой, в которую вошёл не просто, не быстро: через конфликты, через одоление этих конфликтов.

В журнале “Наш современник” я общался с Распутиным и Беловым, Астафьевым и Носовым, Бондаревым и Быковым. Мне очень дорого, что именно этот журнал соединил нас в своих потоках и мой ручей слился с огромной рекой русской словесности. Вот и мой новый роман “Востоковед” увидел свет на страницах “Современника”. Будет ли мне дано вновь появиться на пороге этого чудесного журнала?

И теперь, празднуя вместе с моими собратьями юбилей “Современника”, я вижу, как он окружён сиянием. Сиянием, которое для молодых писателей является утренней зарёй, а для меня, прожившего свой век, зарёй вечерней. Я вспоминаю удивительное, одно из последних стихотворений Александра Блока:

*Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.*

Я кланяюсь тебе, мой дорогой “Наш современник”.

.....

ВСЕГДА СОВРЕМЕННОК

Мне не раз приходила в голову мысль, почему “Наш современник” не просто “Современник”? Ведь какой предтеча в прошлом, какое имя во главе: сам Пушкин! Жуковский! Некрасов! Не легче бы оказаться продолжателем исторического начала, не проще ли опереться на славу и отыскания славных предтеч? Но в советское время журнал явился с названием не вполне историческим, прибавив в заголовок местоимение “наш”, что вероятно слегка, с одной стороны, приземляло его задачи, приближало его к социалистической данности, с другой, подчёркивало его “рзсэфэсэеровское” происхождение, потому как создан он был решением Совета Министров РСФСР, в подобие литературным журналам иных союзных республик. В подобие, замечу, запоздалое, ибо, почитай, во всех иных союзных республиках толстые литературные журналы на родных языках существовали уже давным-давно. И вот российскому Союзу писателей “дали” свой, республиканского значения, журнал на родном, то бишь русском, наречии.

Может, думаю, в ходе утверждения именно русскости этого журнала и возникла прибавка “Наш”? Ведь русский язык был государственным языком всего СССР, не отрицая суверенности языков иных республик, “толстяки”, издаваемые в столице, все были русскоязычными и союзными, и ещё один журнал на русском должен был как-то отделяться от союзного “клина”. И вот он стал “наш”, вовсе не полагая, что в логическом умопостроении, сразу рождает антитезу: а что, есть и “не наш”?

Полагаю: что тогда это не приходило в голову с политическим подтекстом. А сейчас... “Наш” и “не наш” стали метками прямых разделений едва ли не на все случаи жизни — от самых что ни на есть бытовых до политических. Не волен от них и мир журнальный, литературский, к сожалению. Единогое, пусть и конфликтующее, мира литературы не осталось, непримиримость прёт со всех сторон и объективность не блюдётся. Редко увидишь признание одной стороной события или успеха, достигнутого другой. Не только литсообщество, но и остальной мир, а точнее-то, остальной быт сваливается в клубок противоречий, где все против всех. И не слышно гласа умиротворения. Впрочем, так, наверное, бывает всегда, когда власть отходит от дел, наивно предоставляя право боёв без правил всем и во всём. Судьи, я подразумеваю, спортивного, нет и свистка о нарушении правил не слышно. Тем паче, Конституция прописала себе отказ от идеологии.

Куда и как двигаться, скажем, журналу в мире, “где правды нет”? И где, похоже, от неё отказались вовсе, потому что молчат? А говорят те, кому бы лучше помолчать? “Говорение” вообще стало престижным ремеслом, загнав в тенёта “думание” и научную, желательную, прогностику. Ибо уберечь страну и народ от неведомых нам расчётов можно только с помощью расчётов своих. А не бесконечного трёпа с утра до вечера.

Имеет ли отношение всё сказанное к “НАШЕМУ современнику”, который отмечает своё аж 60-летие?

Ещё какое! Я помню блестящую публицистику Ивана Васильева о состоянии деревни советской поры — сколько неравнодушной правды, сострадания, боли! Читали ли власть имущие? Не только читали, дали высшую награду — Ленинскую премию. А всенародный Шукшин? А целый мир Бондарева? А все главные вещи Астафьева? А Пикуль, сотрясший ЦК и его округу? А Валентин Распутин? А Василий Белов?

В нынешнюю смуту восхищаюсь публицистикой журнала, которая дала повод осмыслить все, почитай, наши переломы, разобраться в нечистотах грязных помыслов, но, кажется, так и не была востребована к государственному решению. Право слово, иногда кажется, что там, на так называемом верху, ничего не читают! Похоже, там признано, что читать вообще вредно, если это не иностранщина, пусть и дурного достоинства, и что отечественная публицистика, равно как и проза, и поэзия это вроде ковриков у порога, о которые вытирают ноги, а не мыслящий инструмент, формирующий человеческое в человеке и выражающий народное мнение.

Особые слова чести о нынешнем главном редакторе Станиславе Куняеве. Человек высочайших знаний, литературной и духовной эрудиции, перво-

классный поэт, он принёс себя в жертву Правде, опубликовав на протяжении немалых лет истинно духовную ограду русскости. Циклы его статей давно стали новой хрестоматией для тех, кто ищет себя и мечтает вырваться за пределы лжи и подставок, обучающих мышлению – трафаретному, истинам – общепринятым, страстям – набившим оскомину.

60-летие “Нашего современника” теперь даёт внятный ответ на загадку тогда сильной страны – почему “наш”? Да потому что “не наше” таилось среди нас, бродило, шипело и лопалось. То же самое оно творит и сейчас, напялив на себя нынче маску победителя.

Эту терминологию – наш, не наш – разумеется, придумали не те, кто затевал “Наш современник” шесть десятилетий назад. Вообще-то это терминология лётчиков. Кажется, лётчиков истребителей. И применяется как с одной, так и с другой стороны. Так что удач тебе, наш боевой ястребок “Наш современник”. И удач тебе во встречах боях, где запрос “наш – не наш” не терпит ошибок.

.....

Сергей ЕСИН

ВСЕГДА – БЫЛ “ПРОТИВ”

Это я о “Нашем современнике” – журнале русской интеллигенции и русского читающего народа. Против кого, разберемся чуть позже. Но для того чтобы протестовать, надо всегда иметь программу “за”. Я думаю, она у журнала была со дня его основания: это дом, семья, неспешная жизнь, те простые человеческие заповеди существования, которые обычно называют библейскими. Чти отца своего, не становись Павликом Морозовым. Не укради, даже если это “социалистическая собственность”. Журнал часто вспоминал о том жарком поте, который всегда связан с обычной физической работой. Я даже думаю, что он всегда помнил и требовал не забывать, что весь рабочий класс вышел у нас из трудового крестьянства. Сейчас, правда, модно в своей родословной отыскивать дворянские или купеческие корни, и многие из нас живут с иллюзией своего особого происхождения. Но вот я, покопавшись в своей родословной, выяснил: никаких надежд, одни крестьяне. В этом отношении журнал всегда ориентировался на тех, кто в душе ощущал себя строителем и работником. И не собственной дачи на подмосковных лугах. Здесь уместно сказать и о той невероятной общности близких по мировоззрению людей, которых мы называем народом, народом Отечества, единомышленниками. Разве всего этого не было в программе “за”? Хорошо сказала в свое время Цветаева: “Чтобы была жизнь, а не Ярём”. Ярём, как известно, бывает и капиталистический и партийный.

Что касается “против”, здесь всё ещё проще и очевиднее. Когда Виктор Петрович Астафьев печатал в “Современнике” “Царь-рыбу”, против чего он протестовал? Что он там говорил о природе, об “охране окружающей среды”, о положении человека?

Когда Валентин Григорьевич Распутин печатал в “Современнике” свою повесть “Прощание с Матёрой”, против чего он протестовал? А я даже помню, что писатель Сергей Павлович Залыгин уверял, что достаточно скоро возникнет вопрос о сносе огромных гидростанций на наших глянцевых реках – землякормилица дороже. А что там было ещё об уничтожении деревень, отчего мы страдаем до сих пор? Бедные русские поселяне, за которых стоял великий писатель!

В самом начале перестройки и я написал маленькую повесть “Стоящая в дверях”, напечатанную в “Современнике”. Там ведь не только о запыленной полунинтеллигенции, так хорошо срежиссированной развал великой страны, но и кое-что о смуглых гостях, устанавливавших свои правила в столице. Наш крупнейший и старейший критик Михаил Лобанов как-то написал, что здесь я как открыватель тенденции был первым. Здесь ведь тоже не обошлось без протеста. Но о себе я к слову. Я всегда “за” любые, но выверенные перемены.

Собственно, дальше надо бы начать поздравлять журнал с юбилеем и говорить праздничные слова. Но тут я вспомнил, что в наших финансовых вер-

хах, которые якобы хорошо и успешно балансируют с бюджетом, опять заговорили об экономии за счет средств массовой информации и прессы. Ну, своё телевидение смотрите сами, мы давно смотрим только новостные программы, выцарапывая оттуда фрагменты подлинности и правды, но есть ведь ещё бедствующие газеты-районки, есть ещё “толстые” журналы, которые всегда были достоянием российской культуры. Экономим здесь? На живом? Есть ещё журнал “Современник”, “протесты” которого всегда оказывались проризанием. Не срамитесь, дайте денег. Цивилизация зиждется на культуре, а общество на справедливом протесте.

.....

Владимир КРУПИН

ВЫЗЫВАЯ ОГОНЬ НА СЕБЯ

Нечисть в нравственном пространстве России имеет всё: деньги, тиражи, поддержку мирового правительства. Она уверена, что навсегда захватила Россию в 93-м. Жваноиды экрана, развратники аншлагов и петросянов, стареющие хохмачи квн, синичный полечудесник, обзывающий учительниц училками, молодящиеся вродни давай-поженимся, дрозды и пересмешники всяких шоу осыпают Россию перхотью бесовщины. И такое ощущение создают, что жить в России невозможно, она – агрессор, она во всём виновата, а не заокеанский хам, рождённый беглой европейской шпаной.

А что в литературе? Что может быть, если русская школа убита, два поколения неграмотны, школьники не писали сочинений по литературе двадцать пять лет.

Но великое чудо – есть современная русская литература! И это, во многом и в основном благодаря нашему “Нашему современнику”. Журнал можно уподобить кораблю, который раскачивают штормовые ветры, или осаждаемой крепости. Но корабль подаёт не сигналы бедствия, а призывы к сопротивлению, и из крепости во все концы летят спасительные вести: Россия жива, живёт и будет жить!

Очень мне противны жалкие либеральные писаки. Они думают, что литературой правят издания, премии, что можно “раскрутить” имя. И что? Сколько было “раскрученных”, и где они? Нет, милые, русской литературой правит любовь к России. И только! Не любишь Россию? Будьешь забыт.

Вызывая огонь на себя, с открытым забралом свершает свою миссию журнал. И – загадка для исследователей – “Наш современник” молодеет.

Ну, а мне-то как радостно поздравить любимый журнал! Ведь страшно, нет, приятно сказать – печатаюсь в нём сорок четыре года. И хоть бы что!

С земным поклоном капитану корабля и его команде.

.....

Виктор ЛИХОНОСОВ

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИНИЯ

“Наш современник” – выдающийся почвенный русский журнал, преображенный С. В. Викуловым из альманаха “Современник”. В этом альманахе в году, кажется, 1960-м случилась публикация чудесного рассказа Бунина “Таня”, который я вырезал и подшил в фолиант других художественных редкостей и перечитываю в этом виде по сей день. Впечатлительный студент (кем я был тогда) подумать не смел, что с 1969 года он будет печатать в этом журнале свои рассказы. Началось всё с публикации рассказа “Люблю тебя светло”, вызвавшего хитрую брань в партийной печати – главным образом потому, что не нравились будущим передовикам демократии мои русские мотивы. Так же были приняты “Осень в Тамани” и “Элегия”. За “Осень...” я спустя 32 (!) года получил только что учрежденную премию “Ясная Поляна” им. Л. Толстого, а “Элегию” почтил похвалой композитор Г. В. Свиридов. А сколько было в некоторых углах усилий смять русское умиление прошлым!

Меня причислили к племени... юродствующих. Сама народная русская позиция "Нашего современника" рождала у подобной литературной публики (довольно влиятельной в официальных кругах) еле скрываемое отвращение и боязнь. Как только напишешь с ласковым чувством "Русь", "Россия", так тебе напомнят, что "государство-то было царистское", классовое. Не русофильство даже, а обычный поклон родному, вековому принимался с подозрением: не шовинист ли? Так ведь и сейчас. Ничего не переменялось.

"Нашему современнику" всегда было и будет тяжело. Жалею я, что роман мой о Екатеринодаре "Наш маленький Париж" С. В. Викулов печатать не взялся, хотя потом при вручении за него Государственной премии России тепло поздравил меня. Смutilа его, наверно, "белогвардейская мелодия" всего романа, отрицательную черту подвел и профессор Аполлон Кузмин, писавший на роман внутреннюю рецензию. Мало, к сожалению, было в то время в русском патриотическом кругу сочувствия тем, кто навсегда пересек родную границу и почил в изгнании. Русская скорбь наша и нынче весьма избирательна.

Журналу посчастливилось: он перешел в руки С. Ю. Куняева, который ни на шаг не отступил от заложенной в его недрах ещё С. В. Викуловым упорной русской народной линии.

.....

Сергей ШАРГУНОВ

ГОЛОС В ГРОЗУ

Перечитываю подшивку "Нашего современника" с произведениями, выходящими ещё до моего рождения, наслаждаясь Василием Шукшиным и Юрием Казаковым...

"Наш современник" — из номера в номер — я читаю с девяти лет, с 1989-го. Он постоянно был дома в те годы, во время слома огромной страны. Не случайно именно тогда так взлетел тираж журнала, который стал средоточием национальных сил, штабом патриотической интеллигенции.

Между беспомощно увядавшим официозом и нахрапистыми нигилистами, штурмовавшими власть и собственность, возникли те, кто наперекор пьяной буре истории твердил о возможности обновления и возрождения на других принципах. Сохранить государственную статью, не порочить прошлое, но от неубедительного догматизма перейти к живому и родному.

Журнал открывал пространство для многообразной русской мысли, неподцензурной, до того запретной литературы и публицистики, одновременно пророчески предупреждая, в какую кабалу хотят ввергнуть народ его мнимые освободители.

Великая страна переживала вторую за XX век потерю своей государственности, русское выступление случилось как всегда слишком рано и одновременно запоздало, а силы были слишком не равны...

Счастлив, что с юных лет приобщен к нашей среде. "Наш современник" новейшей истории — это Валентин Распутин и Юрий Кузнецов... Все эти годы мысль, образ, слово в журнале сочетались с ощущением судьбоносности происходящего — Беловежье, осень 93-го, Приднестровье, Сербия, Крым, Донбасс... Публикации последних десятилетий — Вадима Кожинова, Александра Панарина, Ксении Мяло и многих других — такая же классика, как тексты славянофилов и трагические прозрения их последователей вплоть до революции и гражданской войны.

Отрадно печататься в журнале и быть его подписчиком, и видеть рядом на страницах литераторов моего поколения — Захара Прилепина и Романа Сенчина.

Каждый месяц по всей стране в библиотеках и университетах встречаю верных читателей "Нашего современника". Для них он, как свет в окошке, среди мглы, которая вновь сгущается кругом под угрожающий вой исторического ветра.

Крепитесь, спасибо, поздравляю!

.....

“НАШ СОВРЕМЕННОК” – ЖУРНАЛ ОБЩЕГО ДЕЛА

Современную русскую литературу невозможно воспринимать в отрыве от журнала “Наш современник”, отмечающего 60-летний юбилей. Не отыскать сколько-нибудь известного и талантливого русского писателя, так или иначе, не связанного (в разные периоды своей творческой биографии) с этим замечательным журналом. Леонид Леонов, Валентин Распутин, Василий Белов, Василий Шукшин, Юрий Бондарев, Юрий Кузнецов, Николай Рубцов, Анатолий Ланщиков, Михаил Лобанов, Юрий Селезнёв, Валентин Пикуль – одних этих имён достаточно, чтобы обессмертить имя журнала. Но за ними – сотни других имён, тоже немало сделавших в отечественной литературе. Сегодня на страницах “Нашего современника” активно публикуются молодые прозаики и поэты. Это гарантия того, что у журнала будет долгая и, надеюсь, счастливая жизнь.

Лучшие критики, философы, публицисты не просто выступают в “Нашем современнике” с тематическими статьями, но предлагают обществу свои сценарии выхода страны из вечного кризиса. Из номера в номер авторы журнала доказывают, что русский народ не может полноценно существовать, если у него нет **ОБЩЕГО ДЕЛА**, и если он не видит за горизонтом собственного существования **ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ**, сообщающей **СМЫСЛ** его **ЖИЗНИ**.

В иные моменты своей истории “Наш современник” самостоятельно задавал направление литературного процесса в стране, причём почти всегда не в ту сторону, куда хотелось власти. Издание часто подвергалось в прежние годы различным “проработкам”, душилось “оргвыводами”. Сегодня с не меньшим успехом журнал душат реалии “рыночной” экономики и отсутствие государственной политики в идеологии и культуре.

И это при том, что каждым своим номером журнал свидетельствует, что русская литература жива, развивается, ищет ответы на “проклятые” вопросы действительности. “Наш современник” – это не “заповедник” почвенников и “махровых” патриотов, как представляет властям предрержащим журнал идеологическая служба. Это – лаборатория русской культуры и словесности во всей её трагической красоте, противоречивости и вечном поиске истины.

Трудно переоценить роль “Нашего современника” для русской провинции. Здесь журнал ждут, как глотка чистого воздуха, здесь “далеко от Москвы” “Наш современник” формирует и растит серьёзного и думающего читателя, о котором мечтают современные писатели.

Журнал, как и прочие российские “толстые” литературные ежемесячники, переживает сегодня трудные времена. Поздравляя сотрудников и авторов “Нашего современника” с юбилеем, верю, что Бог не оставит редакцию попечением, а читатели и подписчики (больше надеяться не на кого) помогут журналу выстоять в борьбе за Россию, за всех нас!

Андрей УБОГИЙ

КОВЧЕГ “СОВРЕМЕННОКА”

Вряд ли найти метафору, точнее и глубже выражающую роль “Нашего современника” в нынешнем мире – чем библейский ковчег, преодолевающий хляби потопа. Я бы даже не стал сужать этот образ до ковчега именно русского – хоть, конечно, сердца патриотов России являются главной движущей силой журнала, и русские беды им ближе, понятней, больнее – но ковчег “Нашего современника” ищет спасения и для всего человечества. Не нами сказано: если спасётся Россия – спасётся и мир. Ибо потоп, захлестнувший нас ныне, всемирный, и вызовы, обращенные к нам – планетарны. Сейчас, в юбилейных словах, нет нужды все эти вызовы перечислять – достаточно чувствовать всю совокупную, страшную силу тех тёмных стихий, что грозят затопить целые народы и цивилизации.

Но стихии на то и стихии: пусть их бушуют. Наше дело – держаться и плыть своим курсом, сохраняя отвагу и верность. И в этом у нас есть живой

пример: капитан корабля. У руля “Нашего современника” уже 27 лет – думаю, это мировой, абсолютный рекорд – стоит патриарх русской литературы и журналистики, Станислав Юрьевич Куняев. Многая лета ему – и доброго здравия всей команде ковчега!

И, хоть потопу пока что не видно конца – дожди льют, и воды продолжают усиливаться – покуда ковчег на плаву, есть надежда. И когда-нибудь непременно сбудется то, что предсказано в Книге: голубь, взлетевший с ковчега, вернётся с оливковой ветвью спасения...

.....

Юрий ЛОЩИЦ

КТО НАДЕЖНЕЕ УКОРЕНЕН

60? Опасаюсь, этот житейский срок в отношении к “Нашему современнику” не вполне достоверен. Даже скажу, что сильно недостоверен. По своему вкладу в литературное бытие страны, а не по анкетным данным, журнал-то гораздо старше! Сама запашка почвы в нем настолько культурней (вспомним, что и понятие *культура* означает искусство возделывать землю), что именно сюда, а не кому-то ещё, приносил бы тома своего “Тихого Дона” Михаил Шолохов. А до него предпочёл бы “Наш современник” иным словесным нивам и Лев Толстой со своими крестьянскими притчами. И трогательно ценимый Толстым Михаил Меньшиков с его “Письмами к ближним”, и автор “Дневника писателя”, безусловно!

Конечно, такую вот литературную обратную перспективу легко вышутить, припилить к почвенничеству и в который уже раз обозвать журнал пристанищем “деревенщиков”. Но пусть тогда объяснят они: а почему именно “Нашему современнику”, в конце концов, доверил свою “Пирамиду” утрудившийся старец Леонид Леонов? Не потому ли, что именно эта почва и могла куда надежнее иных выдержать сложнейшую архитектонику его небывалого долгостроя. Не случайно же и сегодня критические говоруны-либералы о его “романе-наваждении” либо опасливо помалкивают, либо, кривя рты, убеждают ленивую молодёжь, что “чтению вообще не поддаётся”.

Очень даже поддаётся, и я крепко надеюсь, что, справив анкетный неполный юбилей, “Наш современник” возьмёт да и посвятит какой-то из отдаленных номеров подробно и разностороннему новому прочтению романа-завещания, обращенного к России XXI века. Лично мне кажется, что жанровый оттенок, приданный Леонидом Максимовичем своему “наваждению”, всё же не сполна исчерпал всей глубины замысла. А не держал ли мудрец в запасе одно старое, даже древнее определение такого типа литературных действий – “мистерия”? Вот-вот, ведь классическая мистерия! В которой Земля, Небо и преисподняя встречаются для окончательного выяснения судеб человечества и мироздания. Да, мистериальность событий “Пирамиды” – производна от образцового реализма последнего русского классика XX века. Но для бесстрашного загляда в тайны будущего уже недостало одного реализма – даже Леонову. И он отважно открыл занавес своего, истинно леоновского, сверхреализма. И зажил в романе настоящий, непросто привыкающий к земле ангел, и нагло обозначили своё присутствие его падшие антиподы и их земные челядины... О, как много еще нам откроет Леонов, когда вместе сосредоточенно перечитаем!

Если уж думать о пожеланиях наперед, я уверен, не уйти журналу и ещё от одной темы. Участие в недавней работе Третьей Селезневской конференции в Краснодарском университете подсадало: и у “Нашего современника” есть долг перед памятью Юрия Ивановича Селезнева. Да, он проработал в журнале катастрофически мало и принужден был уйти – без вины виноватым. Но ведь по духу, по сокровенным убеждениям был он и остаётся для “Нашего современника” своим, родным. И, значит, ещё вернётся на его страницы, – может быть, в облике соборного, от имени друзей и последователей, жизнеописания этого замечательного полемиста, критика, биографа, мыслителя России.

Кто надежнее укоренён в родной почве, того и будущее не застанет врасплох.

.....

ПРЯМО КАК ВЫСТРЕЛ

Этот взлет в Киренске я помню так хорошо, будто все произошло вчера. В тот сентябрьский день погода в северных районах Иркутской области была хуже не придумаешь: уже который день шел дождь, взлетные полосы раскисли, и аэропорты не принимали самолеты. Нашему экипажу дали добро на вылет с тем условием, чтобы мы на месте, в Киренске, проверили состояние посадочной полосы и попутно доставили туда срочный груз для районной больницы. А далее, если позволит обстановка, нужно было слетать в Ербогачен и вывезти в Иркутск тяжело больных детей.

“Как всегда – разведка боем!” – пошутил я, получив это непростое задание.

Узнав, что я лечу в Ербогачен, писатель Вячеслав Шугаев попросил взять с собой в полет своего друга поэта Станислава Куняева, который уже несколько дней жил в иркутском аэровокзале в надежде попасть на рейс в Ербогачен.

– Вот возьми, почитай, – Шугаев протянул мне свежий номер журнала “Наш современник”, – здесь его подборку стихов опубликовали. Заодно и познакомись.

– Куняева? Знаю! – Я засмеялся. – Это тот, который полжизни провел на вокзалах в Иркутске, в Калуге, в Москве, – обозначил я Шугаеву свою начитанность и некоторое знакомство с поэзией Куняева.

– Он сейчас в аэровокзале, – сказал Шугаев. – Его надо бы там разыскать.

То было веселое, наполненное особым смыслом время, когда завтрашний день не пугал, а обещал новые радости и впечатления, когда поэзию читали и ценили, знаменитые пииты собирали полные залы и стадионы, когда еще о мобильных телефонах и слышать не слыхивали, при надобности обходились посылными, а другие важные новости можно было услышать по радио. Чем я и воспользовался. Приехав в аэропорт, я попросил службу оповещения объявить, чтобы Станислав Куняев подошел к стойке, где обычно регистрировали пассажиров внутренних рейсов. После очередного сообщения, гляжу, ко мне легкой походкой спортсмена подходит невысокий молодой человек в джинсах и темной куртке, с рюкзаком на плече, улыбается и протягивает руку:

– Куняев, – хорошо поставленным голосом представился он. – Я звонил Шугаеву, он меня уже предупредил.

Через пару часов, оставив позади почти тысячу верст сибирского бездорожья, мы уже подлетали к Киренску или, как его называли тунгусы, Орлиному гнезду. После посадки на залитую, похожую на размокшее болото полосу я понял, что Орлиное гнездо промокло насквозь и взлететь отсюда мне сегодня не дадут; самолет до самого кия был в такой грязи, что на него было страшно смотреть. На стоянке ко мне подошел руководитель полетов и, оглядев самолет, не то спросил, не то подтвердил мою догадку, что будет закрывать аэропорт по техническому состоянию посадочной полосы. На стоянке было неуютно, грязно и холодно, сбоку с порывами острого, как шило, ветра хлестал дождь. Подняв воротник куртки и, натянув по самые уши московский кепсон, сутулясь от ветра, Куняев стоял неподалеку и молча поглядывал на нас. Добавлять в перечень своих ночевок к Иркутску еще и Киренск ему явно не хотелось. Я знал, что его в Ербогачене ждут читатели, ждут друзья, чтобы свозить своего любимого поэта и рыбака в зимовье на таежную речушку, где можно будет половить сига и пострелять уток и рябчиков. Но, как говорится, против природы не попрешь – взлетать с болота Ил-14 еще не приходилось.

Я попросил руководителя полетов вместе съездить на полосу и своими ногами поискать возможность для взлета. В противном случае сидеть нам здесь как минимум неделю. Проехав по лужам и грязи в начало полосы, я, оглядевшись, понял: взлететь нельзя, прямо как в канаве, по центру полосы, насколько хватал глаз, было настоящее болото. А вот по краю, вплотную к бакемам, взлететь было можно. Здесь узкая полоска земли была чуть повыше и почти не залита водой.

“Взлет должен быть точным и выверенным, как выстрел! Главное – выдержать направление и не задеть винтом боковые бакены. И удержаться от касания переднее колесо”, – подумал я и сообщил руководителю, что попытаюсь

взлететь. Он кивнул головой, понимая, что я принимаю командирское решение, за которое и несу ответственность.

Уже много позже я пойму, что в литературе, как и в жизни, главное выдержать принятое направление и не метаться, не приспособливаться, не останавливаться на ходу. И если начал движение, пошел на взлет, никогда не опускай, как и поднятое переднее колесо, свой нос, держи его по горизонту.

Мы вырулили на взлетную полосу, встали напротив намеченной узенькой полоски. И, получив разрешение, я начал взлет. Моторы взревели, взвились до хрипоты, до визга на взлетный режим, через несколько секунд я оторвал переднее колесо и держал на весу, не давая ему соприкоснуться с водой, потому что с винтов, из-под колес, во все стороны летело вперемежку с песком, пытаясь остановить движение самолета, грязное водяное крошево.

*Неестественен этот разбег,
Неестественно чувство полета,
Неестественен этот побег
И пронзительный вой самолета...*

Это стихи и впечатления поэта Куняева – единственного постороннего человека, который в этот миг был в кабине самолета.

Мы взлетели, позже руководитель полетов скажет: “Это был взлет не самолета, а глиссера”. Через несколько минут мы пробили облачность, и перед нами встало теплое ласковое солнце, а нам всем, сидящим на летных сиденьях между небом и землей, показалось, что мы вырвались из преисподней. Я посадил промокшего Куняева на правое пилотское кресло, и он поглядывал то на приборы, то на вынырнувшую откуда-то из под носа самолета Подкаменную Тунгуску, которая, неспешно двигаясь с самолетом в одном направлении к северу, темной блестящей косой вязала по тайге петли, показывая себя во всей своей угрюмой красоте.

– Угрюм-река, как назвал ее писатель Вячеслав Шишков, – сообщил я Куняеву. – Вот бы сейчас туда, – я кивнул на тайгу. – Сколько там брусники и черники!

И неожиданно услышал от Куняева стихи, которые он посвятил Вячеславу Шугаеву:

*Полыхали цветы, отцветая,
Ожидая пришествия снега,
И свистела утиная стая,
Улетая в тунгусское небо.
Глухари осторожно кормились
На кровавых брусничных полянах,
Облака над Тунгуской теснились,
Словно души племен безымянных...*

В Ербогачене, которого эвенки называют Песчаным холмом, было тепло и сухо. Наш самолет, по обыкновению, первыми встретили сибирские лайки, они обнюхали куняевский рюкзак и расселись кружком, с любопытством поглядывая на прилетевших. Надо сказать, что охотников они чуяли на расстоянии. К Станиславу подошел Степан Фарков, Миша Колесников, они стали обнимать своего давнего друга. Куняев, прощаясь, подписал мне книгу, назвав “асом сибирского неба”. И чуть ли не на первой странице я прочитал стихи, посвященные Вадиму Кожинову.

*Птица взмыла, но не увернулась,
Видно, воздух исчез под крылом,
И вцепилась в стекло, и осталась
Лишь пятном на стекле лобовом...*

Я глянул на лобовое стекло самолета, оно было заляпано кусками засохшей аэродромной грязи. Бортмеханик подогнал машину и пытался отмыть пристывший песок и глину с крыльев и капотов самолета, а техник напильником снимал заусенцы с винтов. К самолету, пытаясь, подъехала карета “скорой помощи”, началась посадка больных детей.

В те времена это была для нас повседневная обычная работа пилотов гражданской авиации, где тебе не стелили ковровых дорожек, и до всего приходилось доходить своими руками. Мы любили свою работу, и она платила нам той же монетой. Ведь, как известно, за все надо платить.

Сегодня, вспоминая то время, я уже понимаю, что началом творчества, несомненно, служат впечатления, потом, когда уже приступаешь к работе, очень важны детали. Здесь на память приходят отложенные в долгий ящик встречи, эпизоды, вроде бы как случайно оброненные слова. Перед тобой начинает двигаться прожитая жизнь, она, как поток, как полет, в котором ты всегда, пока бьется сердце, исправляешь недочеты и несовершенства человеческой природы. И где все, как и в летной работе, должно быть на своем месте, выверено, точно и по слову, и по движению, и по смыслу.

Через год после того памятного взлета я написал очерк о полетах в небе Восточной Сибири, назвав его “Непредвиденной посадкой”, следом другой — “Командировка в Киренск”. Эти очерки будут опубликованы в журнале “Наш современник”. И с тех пор журнал стал для меня родным и близким, хотя я тогда жил и работал в Иркутске. А позже, когда я приземлился в Москве, к большой радости всех моих земляков, и не только земляков, главным редактором “Нашего современника” стал Станислав Куняев — тот, кто видел, как взлетает самолет с болота. Это у него, после поездок на Север в Ербогачен, после дружеских встреч с сибиряками, друзьями по рыбалке и охоте родилось прекрасное стихотворение:

*Милый мой,
Прощаемся что ль,
И предчувствуя скорую вьюгу,
Сдержим в сердце взаимную боль,
Пожелаем удачи друг другу.
Даже рябчик, и тот, ошалев,
От простора, что ветер очистил,
Ослепленный, летит меж дерев
И, конечно же, прямо на выстрел.*

.....

Сергей МИХЕЕНКОВ

— Вспоминаю 1974 год. Остров Врангеля, куда меня занесла армейская служба, Ленинская комната в вагончике, стопка свежих журналов на столе — только что выгрузили из вертолѐта, который раз в неделю прилетает с материка, доставляет почту, продукты и чистое бельѐ для нашей отдельной роты, месяц назад высадившейся на “острове метелей”. Открываю обложку первого попавшегося в руки “толстого” журнала. “Наш современник”, № 6, июнь. Июнь ещё идёт, а журнал июньский уже доставили к нам сюда на Врангель из самой Москвы. Странички пахнут свежей типографской краской. Как новенькие сапоги кожей... Читаю: Юрий Казаков. СВЕЧЕЧКА. Рассказ.

С тех пор я не расстаюсь с любимым журналом.

Конечно, тогда, на острове, я и мечтать не смел, что пройдут годы и моя проза тоже станет пусть скромной, но всё же частичкой “Нашего современника”, что здесь я обрету друзей, соратников.

Порой открываю только что пришедший по почте номер и ловлю себя на чувстве, которое испытал когда-то в середине семидесятых, двадцатилетним, на краю России — всё та же свежесть, глубина, смелость и ясность мысли, чистота русского слова.